

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-354-365

EDN: JSDEDA

Научная статья / Research article

Жанр святочного рассказа в творчестве коми писателя М.Н. Лебедева

В.А. Лимерова

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация,
[✉ juva64@yandex.ru](mailto:juva64@yandex.ru)

Аннотация. Исследование посвящено выявлению пробелов в изучении дореволюционного литературного наследия М.Н. Лебедева. Материалом служат малоизвестные произведения писателя, относящиеся к периоду его раннего творчества: «страшные» святочные рассказы «Иван Голый» (1900) и «На святках» (1911). В качестве исследовательской проблемы выдвинута специфика сюжетного построения произведений, что позволило выявить активную опору писателя на известные ему версии святочных сюжетов. Сюжетная линия первого рассказа предельно близка одному из самых продуктивных и популярных видов коми фольклора — охотничьим быличкам, связанным с регламентацией поведения промысловиков в определенные календарные периоды, включая запрет на промысловую деятельность в святочные дни. Второй рассказ ориентирован на традицию русской святочной беллетристики, в частности на цикл повестей М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре», в котором повествование ведется от имени персонажей, принадлежащих к поместному дворянству. Использование различных в социально-культурном плане источников объясняется попыткой М.Н. Лебедева запечатлеть восприятие святок разными слоями современного ему общества: народные представления о сакральном значении святочного времени и утрату ритуального значения святочных традиций образованной «уездной аристократией».

Ключевые слова: Коми литература, святочные сюжеты, коми фольклор, фольклоризм литературы, литературные заимствования

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU– 2026-0005 «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте».

Для цитирования: Лимерова В.А. Жанр святочного рассказа в творчестве коми писателя М.Н. Лебедева // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 354–365. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-354-365> EDN: JSDEDA

The Yuletide Story Genre in the Works of the Komi Writer M.N. Lebedev

Valentina A. Limerova^{ID}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre
of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” Syktyvkar, Russian Federation,

✉ juva64@yandex.ru

Abstract. This study aims to fill gaps in the study of M.N. Lebedev’s pre-revolutionary literary legacy. The material used is little-known works by the writer, dating back to his early creative period: the “scary” the Yuletide story “Ivan the Naked” (1900) and “At Christmastide” (1911). The research problem is the specific plot structure of the works, which reveal the writer’s active reliance on known versions of Christmastide plots. The plotline of the first story is extremely close to one of the most productive and popular forms of Komi folklore – hunting tales associated with the regulation of the behavior of hunters during certain calendar periods, including a ban on hunting activities during Christmastide. The second story draws on the tradition of Russian Christmastide fiction, including a particular example — N.M. Zagoskin’s cycle of stories “Evening on the Khopra,” in which the narration is from the perspective of characters belonging to the landed gentry. The use of various socio-cultural sources is explained by M.N. Lebedev’s attempt to capture the perception of Christmastide by different strata of contemporary society: popular ideas about the sacred significance of Christmastide time and the loss of ritual significance of Christmastide traditions by the educated “district aristocracy”.

Key words: Komi literature, Christmas stories, Komi folklore, folklorism of literature, literary borrowings

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project FUUU– 2026-0005 “The artistic experience of Komi literature in a socio-cultural context.”

For citation: Limerova, V.A. 2026. “The Yuletide Story Genre in the Works of the Komi Writer M.N. Lebedev.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 354–365. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-354-365> EDN: JSDEDA

Введение

Михаил Николаевич Лебедев (1877–1951) вошел в историю коми литературы как писатель советский, приступивший к активной литературной деятельности после 1917 г. Между тем публиковаться он начал значительно раньше известных октябрьских событий и его дореволюционный писательский багаж включает более 40 произведений. Большинство из них, написанных в жанрах художественной прозы, имеют единственный факт публикации в центральной прессе начала XX в. и представляют собой малодоступный материал не только для массового читателя, но и исследователя.

Неверно было бы утверждать, что в целях изучения раннего Лебедева до сих пор ничего не делалось. Большой вклад в сбор сведений о его литературной деятельности внесли советские литературоведы П.Г. Доронин, А.А. Вежев, А.К. Микушев, Г.В. Беляев, но последовательного изучения литературного материала в период идеологических ограничений не произошло. В корпус исследовательской литературы о творчестве М. Лебедева следует также включить диссертационные работы М.Г. Плехановой «Идейно-художественные особенности дореволюционной прозы М.Н. Лебедева» (1996) и Л.В. Лыткиной «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX в. Взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка» (1999), главным итогом которых стало признание дореволюционной прозы писателя важнейшей частью его обширного художественного наследия. Вместе с тем литературно-художественный опыт, который был приобретен М. Лебедевым в досоветский период, остается недостаточно изученным и нуждается в более детальном освещении. Решение этой задачи трудновыполнимо без исследовательского внимания ко всей совокупности произведений писателя, в том числе к жанрам, которые не являются доминантными в его творчестве. Так, лидирующее положение в дореволюционном творчестве М. Лебедева занимает историческая беллетристика, но в числе его первых публикаций можно заметить еще одну группу текстов — календарно приуроченных, в том числе принадлежащих к так называемой святочной литературе. Большая часть таких произведений была опубликована на страницах журнала для низших военных чинов «Досуг и дело», сотрудничество с которым Лебедев поддерживал на протяжении четырнадцати лет, с 1900-го по 1914-й год.

Исследователи отмечают, что в начале XX в. в русской литературе сосуществовали два вида святочных текстов — сентиментально-нравоучительные рассказы, утверждающие христианскую добродетель, и «страшные» рассказы, отражающие древние представления о начале года как пограничном времени поворота от тьмы к свету, когда происходит последний разгул бесов перед прибавлением светового дня [1. С. 285; 2. С. 216]. Преимущественным положением в периодических изданиях пользовались рассказы с нравоучительными сюжетами, что можно объяснить особым статусом Рождества как наиболее подходящего времени для совершения добрых дел. Другая разновидность святочной прозы, опиравшаяся на фольклорную фантастику, печаталась реже, поскольку пользовалась меньшим спросом со стороны самих изданий. Обращенный к низовому читателю журнал «Досуг и дело» был одним из немногих литературных журналов, помещавших под одну обложку оба вида рождественско-святочной прозы — истории, напоминающие о заповедях Христа, и рассказы о встречах людей с нечистой силой. Именно в таких амбивалентных выпусках нашли себе место «страшные» святочные рассказы молодого писателя из коми-зырянской провинции М.Н. Лебедева.

Объектом исследовательского внимания в настоящей статье служат рассказы «Иван Голой» и «На святках», обладающие, как нам представляется, наибольшим репрезентативным потенциалом с точки зрения самобытности календарной прозы М.Н. Лебедева. Актуальность исследования определяется малой изученностью дореволюционной прозы писателя и отсутствием литературоведческих прочтений названных текстов. Автором статьи выдвигаются следующие задачи: рассмотреть структурно-семантические особенности святочных рассказов М. Лебедева, установить принципы и приемы моделирования писателем святочного сюжета. Методологической базой статьи служат работы современных исследователей о жанровых свойствах святочной прозы, ее месте в отечественной периодике и творчестве отечественных писателей [3–5].

Обсуждение

Первым опытом М. Лебедева в святочном жанре стал рассказ «Иван Голой», помещенный в январском номере «Досуга и дела» за 1900-й год. Публиковаться писатель начал двумя годами раньше (в 1898 г. приложением к журналу «Родина» вышел его роман «За Богом молитва, за царем служба не пропадают»), но своим первенцем в печати в автобиографиях предпочитал называть «святочную сказку» про Ивана Голого. Нельзя отрицать, что за этим фактом стоят и политические причины (в советское время Михаил Николаевич был вынужден замалчивать часть своего дореволюционного творчества). Однако «Иван Голой» действительно является первым опытом характерного для М. Лебедева принципа письма, который заключается в активном использовании и сочетании ресурсов русской литературы и коми фольклора.

Сюжет рассказа таков. Крестьянин Иван Голой, из числа «самых захудалых мужичонков деревни»¹, отправляется в лес на охоту во время святок. Всегдашний неудачник, которого односельчане метко наградили прозвищем Голой, настрелял в этот день такое количество белок, что и сам «никак не мог себе объяснить, откуда и за какую благодать свалилось на него с неба подобное счастье»². Однако радость охотника оказалась преждевременной. Заночевав в лесу, герой становится участником невероятных и жутких событий: на его глазах внезапно оживает и сбегает в лес самая дорогая добыча – чернобурая лисица, а на свет костра является мрачный незнакомец, который пожирает вначале съестные припасы Голого, затем отправляет в свою пасть беличьи туши, собаку и грозит проглотить самого охотника. В этот критический момент Иван слышит голос невидимого доброжелателя и по совету последнего

¹ Лебедев М.Н. Иван Голой. Святочная сказка // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повесть, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 296.

² Там же. С. 299.

решается на побег. Выполнив все наставления неизвестного помощника (определенные магические действия), герой обнаруживает себя в собственной избе.

Как следует из хода событий и мягкой авторской иронии, сопровождающей повествование о злоключениях героя, М. Лебедев был хорошо знаком с требованиями святочного жанра, сформулированными в свое время мастером этого вида прозы Н.С. Лесковым: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера... чтобы он был сколь-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хотя вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец, чтобы он оканчивался непременно весело»³. Выстроенная по рецепту литературного святочного рассказа история Ивана Голого вместе с тем близка к охотничьим быличкам – одному из самых продуктивных и популярных жанров коми фольклора. Собственно, «страшный» святочный рассказ как литературный жанр и сам по себе является формой, наследующей свойства народной фантастики, однако в рассматриваемом случае эта универсальная связь устной и письменной традиций дополняется ментальным сходством святочного жанра и этнически самобытного пласта коми охотничьего фольклора. Содержательным ядром большинства охотничьих быличек является сообщение о встречах промысловиков с лесными духами, которым народное сознание приписывало санкционирующие функции контроля, разрешения или запрета на охоту в определенном месте или в определенный календарный период [6. С. 100]. Отдельную группу составляют тексты, связанные с запретом на промысловую деятельность в святочные дни: считалось, что в это время граница между человеческим и сверхъестественным мирами теряла свою непроницаемость и вероятность встречи с враждебными человеку духами в лесу была особенно велика. Рассказанная М. Лебедевым история Ивана Голого, отправившегося на охоту в неурочный час, непосредственно заимствована из арсенала таких быличек и строится путем соединения в одном тексте двух распространенных в коми промысловом фольклоре сюжетов.

Первый из них повествует о случаях встречи охотников с неким лесным демоном — ненасытным духом-обжорой, который приходит по ночам в избышки промысловиков, нарушивших какой-либо запрет или предписание, и поедает охотничьи припасы, затем добычу и даже ружье. Охотник пытается спастись бегством, но злой дух настигает его. В это время слышится крик петуха, кровожадный преследователь падает замертво, а охотник чудесным образом оказывается дома [7]. Другим фольклорным источником лебедевского рассказа служит корпус текстов о встречах заблудившихся или терпящих в лесу какое-либо бедствие людей с Миколой-угодником. По поверьям коми, Микола может наказать за неурочное посещение леса или, наоборот, помочь

³ Лесков Н.С. Жемчужное ожерелье // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 томах. Т. 7. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 433.

промысловому, если тот выходит на охоту в праздничный день не из прихоти, а по необходимости, как, например, Иван Голой, по бедности своей. Кроме того, Микола считается посредником в делах охотников, когда между ними и миром сверхъестественного возникают из ряда вон выходящие конфликты [8. С. 10]. Таким образом, невидимый заступник героя лебедевского рассказа легко сопоставим с персонажем коми фольклора Миколой-угодником — помощником и защитником охотников.

Любопытно, что в 1916 г. венгерский ученый Фокош Фукс записал предельно близкий рассказу М. Лебедева сюжет во время сбора фольклорного материала в одном из лагерей для российских военнопленных на территории Венгрии. Его информатором оказался Т.А. Кочанов, уроженец коми деревни Фроловская (ныне Усть-Куломский район Республики Коми). Предельная близость авторского и устно переданного текстов с большой вероятностью позволяет предположить вторичную фольклоризацию лебедевского рассказа⁴, свидетельствуя, в свою очередь, о фольклористической компетентности М.Н. Лебедева и адекватном воспроизведении им устных источников. Наличие общих с народными быличками сюжетов и образов послужило в свое время основанием считать рассказ М. Лебедева олитературенным коми фольклором [10. С. 185], однако фольклоризм М. Лебедева, на наш взгляд, не сводится к прямому повтору устно-поэтических реалий, т. е. к прямому посредничеству между народным искусством и читателем. Обратим внимание хотя бы на то, что автор называет своего героя жителем одной из деревень Олонецкой губернии, тогда как территории проживания коми никогда не входили в ее состав. Как известно, фольклорные герои и сюжеты всегда имеют конкретную локальную и национальную прописку, Лебедев же отступает от соблюдения этого принципа и сознательно использует народную фантастику исключительно в качестве подсобного фабульного материала. В пользу цели собственно литературной говорит и значительное удлинение текста за счет пространственных, свойственных массовой беллетристике диалогов. Автор также включает в ткань повествования характеризующие героя ситуации, прибегает к описаниям зимнего, окутанного таинственностью леса и воссоздает особую атмосферу святочного времени. Написанный в период литературного ученичества, рассказ не свободен от недостатков, но свидетельствует о писательском чутье молодого автора. Лебедев пользуется фольклором строго избирательно. В рассматриваемом случае фольклорный опыт переносится на органичную ему литературную почву с ясным осознанием принципиального совпадения дидактики коми охотничьего фольклора и литературного святочного рассказа: «...дать предупреждение об опасностях, угрожающих человеку со

⁴ Аналогичное мнение о присутствии элементов книжной культуры в репертуаре Т.А. Кочанова высказано В.В. Филипповой [9. С. 229].

стороны неведомого, но близкого мира; транслировать опыт, накопленный в аналогичных, подобных ситуациях» [11. С. 31].

Другим вариантом зимней календарной прозы в творчестве М. Лебедева является рассказ «На святках» (1911). В отличие от истории крестьянина Ивана Голого, в которой отражена специфика переживания праздничного времени в простонародной среде, в рассказе «На святках» воссоздается поведение более просвещенной части общества в период святок. Героями рассказа являются представители «сельской аристократии», собравшиеся в один из зимних святочных вечеров у земского фельдшера: местный приходской священник с матушкой и дочкой, дьякон с дьяконицей, урядник с урядницей, два учителя и три учительницы, приказчик казенной винной лавки, волостной писарь и пожилой деревенский торговец с женой. Намерившись рассеять скуку по обыкновению за карточным столом, компания вспоминает о древнем, пришедшем от отцов обычае рассказывать на святках специальные истории, «непременно святочное что-нибудь, страшное, чудесное, непостижимое... — бывалые небывальщинки, одним словом»⁵. Далее каждый из присутствующих на вечеринке мужчин излагает свой святочный сюжет, свою историю о личной встрече с загадочным миром сверхъестественного. Женщинам же отведена роль внимающей публики, по реакциям которой и можно судить о мастерстве рассказчика, т.е. о том, насколько сильное впечатление удастся произвести рассказчику своей историей. При этом рассказы разных героев, на первый взгляд, следуют друг за другом без какой-либо особой последовательности: слово от одного рассказчика к другому передается как бы случайно, без упорядочивающей роли автора. В действительности порядок рассказывания историй обладает определенной логикой, обеспечивающей сюжетную целостность рассказа.

Первый рассказ принадлежит уряднику и является классическим образом самого распространенного в жанрах хоррора сюжета о неупокоившихся бродячих мертвецах. В молодости Григорий Павлович (так зовут урядника) дружил с неким штабс-капитаном Бубликовым, слывшим искусным игроком в бильярд. Но однажды Григорий особенно отличился и выиграл у него десять партий кряду. Бубликов поклялся отыгратья до Крещения и в самом деле явился в крещенский сочельник в бильярдную комнату, где по случаю пришлось заночевать рассказчику. Вид штабс-капитана был жуток: «лицо синее-синее, как у покойника», «правый висок в крови, мундир тоже кровью забрызган»⁶. В конце десятой выигранной партии окровавленный игрок вдруг исчез, а после обнаружилось, что Бубликов погиб накануне от рук каких-то мерзавцев. Чтобы придать происшествию правдоподобие, рассказчик умело использует особую повествовательную технику: он активно транслирует на своих

⁵ *Лебедев М.Н.* На святках // Лебедев М. Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 342.

⁶ Там же. С. 345.

слушателей «по-настоящему» пережитый им страх, обильно пересыпая свою речь специальными эмотивными фразеологизмами: «дрожь прохватывает», «волосы дыбом становятся», «оторопь взяла», «жутко было», «своим глазам не верю», «у меня зуб на зуб не попадает», «лица нет», «меня совсем из ума выкинуло». Кроме того, правдивость события аргументируется урядником в соответствии с его чином — наличием вещественного доказательства и свидетельскими показаниями. Первым служат кровавые пятна, будто бы оставшиеся на бильярдном столе, а вторым — ужас сослуживцев, наблюдавших за фантастической игрой.

Вслед за урядником общество предлагает рассказать свою историю земскому фельдшеру Огородникову, который в свободное от службы время «постоянно с ружьем по лесам ходит»⁷. «Оказия», о которой рассказывает фельдшер, случилась с ним в рождественскую ночь, которую он, томимый охотничьим азартом, решил провести у волчьей приманки. В тот момент, когда он подлетел на лыжах к месту, ударил колокол на колокольне — к рождественской заутрене заблаговестили. А потом случилось диво: служившая приманкой лошадиная туша и вместе с ней волчья стая стали поклоны отвешивать, будто напоминали охотнику, что по случаю Рождества следует молиться, а не кровь проливать. Как и предыдущий рассказчик, Огородников мастерски создает атмосферу пережитого страха, да и сам происшедший с ним случай не менее жуток, чем встреча урядника с бродячим мертвецом. Вместе с тем собравшиеся открыто демонстрируют недоверие к рассказу фельдшера: перебивают рассказчика, сопровождают его речь хохотом. Огородников в их глазах — охотник и, следовательно, выдумщик, который «всегда соврать сумеет»⁸. Это краткое замечание в сторону фельдшера-охотника собственно и проясняет художественную задачу автора, с которой связана очередность историй в общем тексте произведения: с каждым последующим рассказом пафос ужасного убывает, все более уступая место ироничным истолкованиям «ужасов».

Обратим внимание, что сюжетные ситуации в рассказах, следующих за историей Огородникова, не обладают эффектом неожиданности для собравшихся. Так, происшествие, якобы случившееся когда-то с дьячком (ночное бдение в комнате умершего кузнеца, знавшего, по слухам, с нечистым), определенно напоминает известную повесть Н. Гоголя с той разницей, что оставшийся в живых чтец и сам не уверен, чем дело кончилось: то ли вправду нечистые под псалтырь в пляс пустились, то ли ему со страху померещилось. «Удивительный случай» с приказчиком местной лавки, возвращавшимся в святочную ночь из города, — не что иное, как вариация повсеместно распространенных быличек об особых местах, где случаются встречи одиноких

⁷ Лебедев М.Н. На святках // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 347.

⁸ Там же. С. 347.

путников с нечистыми. Рассказ торговца о чудесах, «которые завсегда могут случиться, ежели время святочное»⁹, также относится к известным быличкам о празднествах, которые нечистые устраивают в пустых домах в святочное время. Не уникальны в своем роде и рассказы двух молодых учителей — вчерашних семинаристов. Первый из них прибегает к популярной среди бурсаков легенде о привидении, которое будто бы обитает в стенах семинарии. История его товарища также имеет устойчивый инвариант, принадлежа к рассказам о святочных гаданиях. В результате ирреальные события, случившиеся с рассказчиками, оказываются недостаточно оригинальными и потому недостаточно страшными для слушателей. Завершается это собрание святочных ужасов и вовсе курьезной историей писаря, известного своей склонностью «здорово выпить». Случилось ему на второй день Рождества возвращаться ночью из гостей, как внезапно спустился к нему воздушный шар и двое незнакомцев силой затащили его в корзину воздушного судна, а с высоты птичьего полета обратно сбросили на землю. Но самым невероятным, по словам писаря, было то, что обнаружил он себя лежащим у крыльца своей квартиры, а над ним «жена стоит, ругается»¹⁰. И как ни расписывал писарь жене свое путешествие на воздушном шаре, та осталась при своем мнении, что он через перила кувырком полетел. Как видим, последний рассказчик осознанно моделирует анекдотическую ситуацию, предлагая своим слушателям не традиционный святочный сюжет, а пародию на него. Таким образом, рассказ М. Лебедева «На святках» устроен так, что в следующих друг за другом историях все заметнее становится размывание, редукция главной цели «страшного» святочного рассказа — предупредить об опасности, показать, какие ужасные вещи случаются с людьми, нарушившими норму поведения в святочные дни. С последним рассказом происходит окончательное профанирование святочного жанра и перевод его в исключительно комический план.

Подсказкой для такого построения рассказа М. Лебедеву могла послужить русская фантастическая повесть с ее особой нарративной (многосубъектной) и композиционной (циклической) организацией, включая ее конкретный образец — «Вечер на Хопре» Н.М. Загоскина. «Вечер на Хопре» строится на столкновении веры в существование и разоблачение сверхъестественного, при этом происходит явное движение повествования к утверждению правды сверхъестественного, потустороннего. Лебедев повторяет главную содержательную коллизию фантастической повести, заключающуюся в колебании между верою и неверием в чудесное, но располагает истории в обратном порядке: сюжет в его рассказе движется от гипотетической возможности существования ирреального к осмеянию вызываемого им ужаса.

⁹ Лебедев М.Н. На святках // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 360.

¹⁰ Там же. С. 361.

Однако заметим: задача автора состоит вовсе не в том, чтобы придать страшным святочным историям и обычаю их рассказывания профанный модус. Вернемся к тому, что с самого начала участники вечеринки принимают на себя определенные роли. Женщины занимают место внимающей и иронично высказывающейся публики. Статус мужчин попеременно меняется: рассказав свою «правдивую» историю, каждый из них становится слушателем, с нескрываемой усмешкой подтрунивающим над чужой «басней». Напоследок гости весело расходятся по домам, насмешливо желая друг другу реальных встреч с мертвецами, колдунами, привидениями и чертями всех мастей – персонажами своих рассказов. В результате возникает впечатление, что рассказывание страшных историй является для участников святочной вечеринки не столько приобщением к известной им традиции, сколько игрой, способом «скоротать время». Автор же не подвергает сомнению существование ирреального. Его цель иная — показать утрату сакрального значения святочных традиций в определенных слоях общества. При этом вряд ли можно согласиться с мнением исследователей советского времени, считавших произведение М. Лебедева «картиной о дремоте духа», «обличением тех, кто носит нереальное»¹¹. Рассказ молодого писателя далек от избыточно критического, обличительного пафоса. Лебедев лишь констатирует, фиксирует наблюдаемое им явление в коллективном портрете волостного образованного общества, которое уже оторвано от мифологически заряженных святочных ритуалов и верований, сохраняющихся в простонародной среде, и для которого традиция перешла в разряд развлечения и забавы.

Заключение

Рассказы М.Н. Лебедева «Иван Голый» (1900) и «На святках» (1911) относятся к периоду активного сотрудничества писателя с солдатским журналом «Досуг и дело» и во многом ориентированы на репертуарную политику издания, рассчитанного на читателя «из народа». Мотивом для обращения М. Лебедева к святочному жанру могла послужить потребность журнала в календарно приуроченном материале для зимних выпусков, но немаловажное значение для молодого автора имели и его собственные творческие искания. В разработанный жанр святочного рассказа писатель вносит свои элементы сюжетостроения, творчески использует фольклорные и литературные источники. Заслуживает внимания взаимодополняющий характер рассказов. В фантастической истории, случившейся на святках с крестьянином Иваном Голым, ясно проступает стремление автора запечатлеть народное восприятие святочного времени и связанные с ним верования и обычаи. И напротив, герои

¹¹ *Беляев Г.В.* Примечания // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 396.

рассказа «На святках» принадлежат к образованному слою уездного общества, который продолжает участвовать в святочных действиях, но утратил понимание их обрядового смысла. Таким образом, рассказы М. Лебедева «Иван Голый» и «На святках» характеризуются формально-содержательной законченностью, но могут рассматриваться и как единый нарратив, усиливающий социальное звучание рассказов.

Список литературы

1. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. Москва : Прогресс — Универс, 1993.
2. Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики: этнологические аспекты. Москва : Индик, 2012. EDN: UBHLIH
3. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ : становление жанра. Санкт-Петербург : Языковой центр СПбГУ, 1995.
4. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Вып. 2 : Художественные и научные категории. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1992. С. 113–127. EDN: SFOKGB
5. Калениченко О.Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новела). Волгоград : Перемена, 2000.
6. Ильина И.В., Уляшев О.И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, 2009. EDN: QOKNVF
7. Конаков Н.Д. Виж паськѡма морт // Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. Москва, Сыктывкар : ДИК, Институт языка, литературы и истории, 1999. С. 109–110.
8. Рочев Ю.Г. Введение // Коми легенды и предания. Коми книжное издательство, 1984. С. 5–16.
9. Филиппова В.В. Традиционная культура и фольклор коми. Сыктывкар : Издательский дом Коми, 2014.
10. Вежнев А.А., Мартынов В.И. Михаил Николаевич Лебедев // История коми литературы. Т. 2. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1980. С. 183–195. EDN: VXQNGP
11. Тиманова О.И. Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 315–330. EDN: ODSGAX

References

1. Baran, H. 1993. *Poetics of Russian Literature in the Early 20th Century*. Moscow: Progress — Univers publ. (In Russ.).
2. Zakharov, V.N. 2012. *Problems of Historical Poetics: Ethnological Aspects*. Moscow: Indrik publ. (In Russ.). EDN: UBHLIH
3. Dushechkina, E.V. 1995. *Russian Christmas story: formation of the genre*. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University publ. (In Russ.).
4. Starygina, N.N. 1992. “The Yuletide story as a genre.” In *Problems of historical poetics. Issue 2: Artistic and scientific categories*. Petrozavodsk, Petrozavodsk university Press publ., pp. 113–127. (In Russ.). EDN: SFOKGB
5. Kalenichenko, O.N. 2000. *The Fates of Minor Genres in Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries (The Yuletide and Easter Stories, Modernist Novels)*. Volgograd, Peremena publ. (In Russ.).
6. Ilyina, I.V. and O.I. Ulyashev. 2009. *Man and Woman in Traditional Komi Culture*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History of the Komi SC UB of the RAS publ. (In Russ.). EDN: QOKNVF

7. Konakov, N.D. 1999. “Vizh paskoma mort [Man in yellow clothes]”. In *Encyclopedia of Ural mythologies. Komi mythology*. Moscow, Syktyvkar: DIK publ, Institute of Language, Literature and History, pp. 109–110. (In Russ.).
8. Rochev, Yu.G. 1984. “Introduction”. In *Komi Legends and Traditions*. Syktyvkar, Komi Publishing House publ., pp. 5–16. (In Russ.).
9. Filippova, V.V. 2014. *Traditional culture and folklore of the Komi*. Syktyvkar: Komi Publishing House publ. (In Russ.).
10. Vezhev, A.A. and V.I. Martynov. 1980. “Mikhail Nikolaevich Lebedev”. In *History of Komi Literature*. Vol. 2. Syktyvkar: Komi Publishing House publ., pp. 183–195. (In Russ.). EDN: VXQNGP
11. Timanova, O.I. 2008. “Calendar literature genres and Russian literary fairy-tale of the 19th century”. *Problems of History, Philology, Culture*, no. 22, pp. 315–330. (In Russ.). EDN: ODSGAX

Сведения об авторе:

Лимерова Валентина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0002-8687-669X; eLibrary SPIN-код: 9401-0365. E-mail: juva64@yandex.ru

Bio note:

Valentina A. Limerova is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8687-669X; eLibrary SPIN-code: 9401-0365. E-mail: juva64@yandex.ru